

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

УДОЖНИК И ВРЕМЯ

ЛЮДИ ИСКУССТВА

МУДРОСТЬ И ВДОХНОВЕНИЕ

Не буду скрывать, я пристрастен к Отару Васильевичу Тактакишвили, к широте, масштабности его поисков в творчестве, всегда устремленных к утверждению красоты, всего живого в жизни и искусстве. Никогда не касались его такие беды, как духовное и социальное мелкотемье, бескорневое изобретательство. Композитор вырос на богатой культурной почве, на классической музыке и литературе, в исканиях нового не пренебрегал старым; лучшие его образцы были плодами глубоких раздумий и устремления к совершенству, к самокритичности, порой беспощадной к сделанному им самим.

В годы ученичества он без устали постигал стилистику прекрасных опер Захария Палиашвили. Рядом с ним для молодого композитора выросла самобытная фигура Нико Сулханшвили, который в монументальных хорах раскрыл красоту грузинской эпической песни. Многие услышал для себя композитор у старших своих современников — А. М. Баланчивадзе, Ш. М. Мшвелдзе. Параллельный путь ученичества — русская классика, русская современная музыка: Чайковский и Рахманинов, Прокофьев, Мясковский (мудрые его педагогические советы Тактакишвили с благодарностью пронес через всю жизнь) и Шостакович... При всем этом отбор, со временем становящийся все более строгим и умным, только близко себе. И закономерно, что уже в пору зрелости Отар Васильевич духовно и творчески сближается с Г. В. Свиридовым, а впоследствии с В. А. Гаврилиным, и вот уже десятилетия длится содружество этих и некоторых других мастеров, исповедующих одни идеалы, достигших неограниченного многого в сфере возрождения традиций вокально-хоровой музыки.

Начинал же Тактакишвили с симфонических жанров. Незадолго до открытого исполнения в 1953 году Второй симфонии Тактакишвили сыграл ее музыковеду В. С. Виноградову и мне. По сравнению с Первой мы услышали много нового. На эпической народной песенности возмущается трагическая конфликтность, вторгающаяся уже во вступление к первой части как знак всенародной беды — войны ли, другого лихолетья, — чтобы исчерпать себя в разрыве скорбных, остродраматичных тем — мелодий третьей части. Менее понравился финал, его неожиданные торжественно-триумфальные «вагнеризмы», достаточно чуждые искренней, человеческой музыке произведения. Мы поздравили автора, наведя и некоторую критику на финал. Отар робко сопротивлялся, но после оркестровых исполнений сам убедился в прочете и спустя годы создал новую редакцию партитуры Второй симфонии, начисто переписав ее последнюю часть.

Произошла наша встреча в Тбилиси, в бедноватой «полудружеской» квартирке семьи Тактакишвили. Отар с вдохновением рассказывал о грузинском многоголосье, без устали показывая песни различных регионов. После знаменитой кахетинской «Семь гурджаанцев» Тактакишвили задумался и сказал: «Для меня песня — святое. Святое в жизни и работе нет». Много воды утекло с тех пор, и вот в октябре этого года, навекая Отара Васильевича в больнице, я вновь услышал от него почти те же слова. Но произнесены они были с некоей интонацией утверждения и осуществившегося идеала жизни и творчества.

Во время появления симфонии Тактакишвили писал и концертно-инструментальную музыку, обращался к ней и впоследствии, создав превосходные фортепианные и скрипичные концерты с оркестром. Однако на рубеже 50 — 60-х годов его влекли уже иные берега.

В 1961 году состоялась премьера оперы «Миндия» (по Важа Пшавела). В этом произведении композитора волнуют этические, нравственные проблемы. Чистая душа молодого Миндия обладает чудесным даром слышать «голоса Природы», голоса добра, света, справедливости. Но когда, уступая непреклонному требованию отца, Миндия вынужден совершить жестокий обычай кровной мести, умолкают для него мудрые «голоса Природы», и, терзаемый совестью, он погибает от собственной руки. Ибо, как гласит древневосточное изречение: «Никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она».

Музыка развивается как одухотворенная поэма. Основная ее идея воплощена в своеобразных диалогах-переплетениях арий-монологов Миндия и хора, персонифицирующего «голоса Природы». В больших ораториальных фресках раскрываются светлые, величаво поэтические картины родной земли, звучат как приговор высшей совести грозные хоры унисона, трагические для ставшего убийцей Миндия, а в финальных сценах — катарсис трагедии, нависшее просветление музыки в тихой коде, оваянной печалью и верой в восстановленную гармонию бытия.

После «Миндия» рождается опера-триптих «Три жизни», состоящая из кратких самостоятельных новелл. Показ сложных человеческих судеб сочетается с жанровыми спенками в духе Пироманашвили, с раскрытием темы борьбы и революции. В новом обращении Тактакишвили к кругу нравственно-этических проблем привлекают лаконичные композиционные приемы, точный отбор выразительных средств. Главное же — поиски в сфере характеристического речитатива, верного психологическим состояниям героев, претворяющего народный говор, звуковую атмосферу быта, поиски, развитие в последующих произведениях.

Третья опера — «Похищение луны» — написана по роману-эпосу К. Гамсахурдия. Она явилась скорее эмоциональным, психологическим откликом на отраженное в романе крушение устоев патриархальной грузинской деревни. Активно участвуя в действии хор, он раскрывает непростую психологию крестьянства в го-

ды перелома, он и комментатор, и участник социальных потрясений в небольшой деревне, за которыми — широкая панорама народной жизни Грузии того времени. Рядом со всем этим хоры сцены — могучая красота грузинского многоголосья. Собрались люди деревни и изливают в песне заветные думы. Поют о жизни, о себе и для себя... Впечатление незабываемое.

Из целостной драматургии первых двух действий, к сожалению, выпадает действие третье («оно сидит во мне как заноза, начисто переписывая его, как и последнюю новеллу в «Трех живнях»»).

А вот совсем иной поворот в оперном творчестве Отара Васильевича. В озорных, полных комедийной динамики и лирической напевности «Чудаках», в «Мусуси» воссоздаются традиции оперы-буфф, воссоздаются на почве грузинской бытовой песни и танца. Сплав получился высокой пробы.

Все оперы, за исключением «Миндия», создавались, когда Отар Васильевич уже неистово врубался в пласт, таивший наиболее драгоценное для всего его творчества. В 1963 году впервые прозвучала оратория «По следам Руставели», созданная по известной поэме Ираклия Абашидзе.

Большой и мудрый поэт Ираклий Абашидзе отправился в составе экспедиции ученых в Палестину, место кончины гения грузинской культуры, и, пройдя «по следам Руставели», создал цикл-поэму «Палестина, Палестина»; она и воодушевила Тактакишвили на создание оратории.

Музыка проста, написана строго, почти аскетично. В загадочный и суровый мир грузинского монастыря, где, по преданиям, прошли последние годы Руставели, вводят начальные такты тихого и мерного оркестрового введения, по словам самого композитора — «капли, отсчитывающие время». Здесь зарождается образное интонационно-ладовое зерно, из которого вырастает вся музыка оратории. Сосредоточенная исповедальность, мудрые и тревожные думы великого поэта и мыслителя о предназначении человека, о художнике и родине, сохранившие сокровенную истину для наших дней и с эпической мощью запечатленные в оратории «По следам Руставели», ставят ее в ряд лучшего, что создано нашим искусством.

Оратория «Николоз Бараташвили», написанная на стихотворения поэта, имеет иные решения. Верность образу поэта-романтика, его пламенному слову сообщила музыке открытую эмоциональность, широчайший расцвет, развитие которого рождает долго длящиеся мелодии, вмещающие множество оттенков высокого романтического чувства. Вершинный взлет оратории, его финальная часть написана на гениальные строфы «Мерани». Символически стихотворения о Мерани, легендарном крылатом коне и всаднике, устремленном навстречу судьбе со святой верой в грядущее торжество разума и справедливости, рождена музыка огромного порыва, динамического напряжения. В неистовый ритмический напор скачки включаются лаконичные темы-символы, чтобы затем смениться трагическим *largo*. Оно — о гибели поэта. И вновь вихрь скачки, вновь неукротимый полет Мерани — полет поэта к бессмертию. При огромной динамике мелодика и ритм финала сохраняют чарующую пластичность, волшебную музыкальность поэтического слова Николоза Бараташвили.

В 1971 году впервые прозвучала кантата «Гурийские песни», открывающая новую главу, одну из интереснейших в творчестве Отара Тактакишвили. Подчас приходится слышать суждения о «чрезмерной фольклорности» его музыки. Насчет «чрезмерности» дело сомнительное, ибо кто установил возможную или невозможную степень погружения художника в стихию народного творчества, в тайны его мышления, законов мастерства, кто, кроме самого художника, вправе определить меру и характер претворения этих тайн и законов в собственном творчестве. Напомним слова: «Песня для меня — святое». Это чистое композиторское чувство не покидает нас, слушателей, когда звучат «Гурийские песни» и «Мегрельские песни», «Карталинские напевы» и «Любовные

песни». «Грузинские светские гимны». Удивительна палитра этих циклических вокально-хоровых произведений, с которыми в современную профессиональную музыку ворвался поток самобытнейшего, тонко отличного друг от друга народного многоголосья шшавов, хевсуров, Сванетин, Картли, Абхазии, никак не разрабатываемого доселе — Гурии и Мегрелии. Различные формы этих сочинений, степень их «цитатности» подлинников или свободного авторского претворения стиля и характера, самог духа народного искусства.

В «Гурийских песнях», которые композитор обозначает, как Капрично для двух хоров с оркестром, завершенных народных тем нет, есть народная песенность, краткие цитаты народных подлинников вкраплены в симфонизированное течение музыкальной мысли, скрепленное четкими формами репризной трехчастности или рондо. Особую красочность партитуре придает своеобразное «соревнование» академического хора и вокального октета, поющего в народной манере с ее богатыми тембрами, полиладовыми сочетаниями, виртуозностью звонкофальцетного криманчули.

Иное дело «Мегрельские песни», их композитор склонен считать самым простым сочинением. Обработки и вправду просты, да простота эта изысканна. Ощущение такое возникает, когда вслушаешься в тонкие авторские штрихи, вводимые в народные песни. Главное же, принцип обработок в том, что, сохранив хоровую природу песни, композитор выкристаллизовал сольную мелодию. Известно, что в грузинском многоголосии развернутых сольных партий нет, короткая запевка одного певца тут же подхватывается, поглощается хором. Тактакишвили в подавляющем большинстве своих сочинений с хором обогащает народную традицию, вводя партию солиста, которая концентрирует главную мелодию. Прекрасный пример — обработка шуточной песни «Сиса — тура». Бойкая, летящая стремительной скороговоркой, короткая мелодия продлевается вставкой другой песни, как и свободно сочиненным, более плавным лирическим оборотом, венчающим каждый куплет. Заводилой всего выступает солист, особенно когда поет Зураб Соткилава, демонстрирующий стиль виртуозного *parlando*, вкладывающий массу оттенков в задронно-звонкий выкрик «Сисал», с только ему присущим характером артистизма «поворачивающий русло» своих диалогов с октетом, то приводя их к «согласию», то до предела динамизируя, как перед резким модуляционным сдвигом на гребне веселой кутерьмы жанровой сценки.

В целом же впечатление такое, что все досочиненное в «Мегрельских песнях» рождено у композитора словно бы непроизвольно — как спонтанно возникающие новые варианты давно и широко популярных напевов. Не так ли и у народных певцов, каждый раз заново творящих песню?

Если говорить о стилистическом почерке Отара Васильевича в целом, то он мелодичен от начала до конца. Мелодия формирует образные богатства, интонационный строй, опевание слова и фразы, диктует логику внутреннего развития, структуру произведений.

Концентрацией мелодизма рождена и природа мастерства. По «вертикали» музыка композитора проста, опорные гармонии лишены изысков. Сложные решения, определяющие сердцевину стиля, возникают при горизонтальном развертывании сольных и хоровых голосов. Многообразие грузинских народных ладов, используемых в точном соответствии с мыслью интонируемого слова, все внезапные ладовые переключения, тоже диктуемые эмоциональной логикой поэтического текста, полиладовость — все это в мелодических линиях солиста или в первом, втором, даже в басовом голосах хора. В гибком сочетании их возникают мягкие, пластичные или, наоборот, терпкие созвучия. Композитор обратился к древнейшему виду многоголосия — гетерофонии, когда каждый голос, исполняя основной напев, вносит в него свое «отступление», свой богато орнаментированный вариант. Близость здесь к народному грузинскому многоголосию необычайная.

Познав язык фольклора, найдя в глубинах народного музыкального сознания секрет неотразимой по силе воздействия выразительности, Отар Васильевич нашел ключ и к постижению психологии самого народа, раскрыв в своем творчестве не на поверхности лежащие, но подлинно сущие его черты — эпическую мудрость в скорби и героике, вдохновение в труде и радости, удал, размах, широту души в открытом чувстве интернационального братства.

В последнее время, прикованный к постели недугом, Отар Васильевич редко выпускает из рук нотную бумагу, живет новыми замыслами, создал одно из совершенных своих произведений — кантату «С лирой Церетели». Вновь зазвенела трепетная лирическая струна; в частях «Свирель», «Явнана», «В гору, в гору поднимаюсь не спеша», «К Чонгури», «Синь небес» сосредоточено лучше, что до этого выплеснулось в лирике композитора: ее нежность, животворная чистота, тонкие переливы мелодической мысли, пластичность музыкальной декламации. Мелодии внутреннего покоя, светлой грусти неизбывной любви к родной земле — как в легко струящемся, полетном слого стихотворений поэта, вдохновивших их.

Произведения Отара Васильевича Тактакишвили звучат далеко за пределами Грузии, всей нашей страны, за рубежом. Их ставят и играют в местных театрах и концертных залах, у нас и во многих других странах — от Финляндии до Японии и Мексики. Их любовно пропагандируют лучшие наши коллективы и солисты. Музыка большого художника нашла путь к единению с людьми, в наш бурный век она славит гармонию бытия, придает человеку силы для добра и созидания.

В. КУХАРСКИЙ.